

Госпожа Анна отличалась мягкостью и внимательностью: в течение пятидесяти минут урока они составляли на редкость гармоничный тандем учителя и ученика. Во внеурочное время Анна переписывалась с ним в телефоне, справляясь о его делах, интересуясь, тепло ли он одет, как идут дела в школе и как складываются отношения с одноклассниками.

Бянь Нань тоже невольно задавался вопросом: раз уж она давно обосновалась в Германии, почему вдруг решила вернуться на родину, и неужели ее семья, оставшаяся далеко по ту сторону океана, дала на это свое согласие?

Анна достала новый нотный сборник, протянула его Бянь Нань и с улыбкой произнесла:

— Похоже, тебе очень интересна моя жизнь за границей.

Опасаясь, что перешел черту, Бянь Нань тут же умерил свое любопытство и умолк.

— Тебе не о чем беспокоиться, ты мне очень нравишься, и ты — самый одаренный из всех учеников, которых я когда-либо учила, — утешила его госпожа Анна.

Бянь Нань начал заниматься на скрипке в тринадцать лет, и по общепринятым меркам этот возраст считался уже довольно поздним.

Однако у него было прекрасное чувство ритма, и природный дар с лихвой восполнил упущенное время, да и преподавателей, которых нанимал для него Цзян Цзинчэнь, отличал высочайший профессионализм.

Многие его ровесники брались за скрипку гораздо раньше Бянь Нань, но после нескольких лет упорных дневных и ночных тренировок все равно играли так, будто пилили дрова. Бянь Нань же принадлежал к числу тех, кого родители презрительно или завистливо называют баловнями судьбы от музыки.

— Раз уж тебе так интересны мои дела за границей, — глядя на него, продолжила Анна, — не хочешь ли поехать со мной в Берлин?

— В путешествие?

Бянь Нань любил путешествовать, но панически боялся холода.

Разница во времени между двумя городами составляла почти семь часов, и Бянь Нань еще из школьных учебников географии знал, что зимы там суровые, темнеет уже после четырех часов дня, сам же он всегда тянулся к теплу и солнечному свету.

Анна с улыбкой покачала головой.

Она говорила, что Берлин — это место, способное преподнести множество сюрпризов:

Берлинский собор в лучах золотистого заката, уличные музыканты, сделавшие музыку частью повседневной жизни, и каждый стаканчик согревающего глинтвейна на рождественской ярмарке. Ни один истинный художник не смог бы устоять перед его очарованием.

— Там находятся лучшие в мире музыкальные академии, оркестры и симфонические ансамбли, — убеждала Анна. — Это храм, о котором мечтал бы любой студент-музыкант, и твой талант заслуживает куда более широкой сцены.

Бянь Нань растерянно замер и с глупым видом приоткрыл рот:

— А... потом?

Анна пояснила:

— Появятся гораздо более авторитетные конкурсные площадки. Я знакома со множеством опытных мастеров скрипичного искусства, и ты сможешь получать у них самое профессиональное руководство во всех аспектах.

— Нань-Нань, — женщина положила руки на плечи Бянь Нань. — Ты станешь таким же блестящим, как они, и поднимешься на высочайшие мировые сцены под восторженные взгляды публики.

Часы на стене мерно отсчитывали секунды, но атмосфера вдруг погрузилась в застывшую, мертвую тишину — словно кадр в кинофильме, который внезапно заело на самом полуслове.

Главный герой в кадре улыбнулся, стараясь говорить легко и непринужденно, чтобы скрыть едва заметную нотку неловкости:

— Я играю просто потому, что мне нравится, я... я не думал о какой-то славе...

Выражение лица женщины напротив застыло, уголки губ неестественно натянулись:

— Тогда ты просто зарываешь свой талант в землю.

— Спасибо вам, учитель Анна, — вежливо ответил Бянь Нань и слегка кивнул ей. — Ваше предложение и впрямь звучит заманчиво, но я все же пас.

— Почему? — последовал вопрос. — Тебе не нравится Берлин?

— Берлин прекрасен, — помечтал вслух Бянь Нань. — Но куда ни отправься, это не сравнится с тем, чтобы быть рядом с моим младшим дядей. Я не хочу с ним расставаться.

— И из-за этого ты готов перечеркнуть свое прекрасное будущее?

Брови Анны сошлись на переносице, она резко подалась вперед и впила пальцами в руку Бянь Нань:

— Кем он тебе приходится, этот Цзян Цзинчэнь? Есть ли у вас вообще хоть какая-то кровная связь? Разве он разбирается в скрипке? Разве он способен спланировать для тебя достойное

будущее?!

Резкий голос звенел прямо в ушах, пальцы женщины впились так сильно, что кости Бянь Нань пронзила тупая боль.

В ее глазах, которые должны были излучать мягкость, читалось абсолютное неверие, а во взгляде сквозили холод и свирепость. Этот мимолетный, вырвавшийся наружу оскал заставил Бянь Нань осознать: у стоящей перед ним женщины есть и другая, пугающая и совершенно незнакомая ему сторона.

— А... Анна... — дрожащим голосом выдавил Бянь Нань.

Поняв, что потеряла контроль, Анна тут же опустила глаза и ослабила хватку, ее лицо выразило испуг.

Быстро сориентировавшись, она снова схватила Бянь Нань за руку и принялась ее осматривать, проверяя, не сделала ли ему больно.

Бянь Нань выдернул руку, а женщина тихо пробормотала что-то по-немецки.

Он почти ничего не понял, но по выражению ее лица догадался, что это значило прости.

Бянь Нань покачал головой, осторожно положил скрипку на стол и какое-то время просто не знал, как вести себя в подобной ситуации.

Она попросила его попить воды, немного отдохнуть и продолжить разбор только что начатой партитуры.

— Забудь о том, что было сегодня.

Уходя, Анна бросила глухим голосом извинение и добавила, что ей нужно выйти на балкон и немного остыть.

Ее точеная фигурка скрылась из виду, а Бянь Нань так и остался стоять неподвижно, долго не произнося ни слова.

Сегодняшняя странность учительницы Анны заставила настроение Бянь Нань пойти вразнос.

Бянь Нань испокон веков не терпел, когда в его присутствии кто-то позволял себе хотя бы вскользь плохо отзываться о младшем дяде, не говоря уже о том, чтобы кто-то смел в таком грубом тоне называть Цзян Цзинчэня по имени.

Подобное поведение явно переходило все границы. Тяжелый ком застрял в груди, и Бянь Нань чувствовал, что сам не сможет справиться с этим давящим чувством.

У Цзян Цзинчэня были дела во второй половине дня, и Бянь Нань в одиночестве сидел на широком подоконнике пустого особняка, наблюдая за закатом.

К изголовью кровати была привязана сделанная им самим пару дней назад ветряная колокольчик: когда ветра не было, ракушки на нитях просто безмолвно висели неподвижно.

Пришло сообщение от Цзян Цзинчэня с кратким наказом: «Ешь как положено».

Видимо, помощник успел доложить ему, что за обедом с морепродуктами Бянь Нань едва притронулся к лапше.

— Младший дядя.

Напечатав эти два слова, Бянь Нань отправил их. В этом не было особого смысла — казалось, он просто звал его, как делал это обычно, лишь для того, чтобы убедиться: тот рядом.

Экран молчал какое-то время, но в конце концов Бянь Нань все же признался, что сегодня кое с чем столкнулся.

Цзян Цзинчэнь ответил: «Никакие дела на свете не важнее того, чтобы нормально поесть и выспаться».

Бянь Нань подумал: раз так, взял бы да вернулся. «Я совсем не могу уснуть, когда тебя нет дома...»

Надпись сверху сменилась строкой «Печатает...».

Неизвестно, что именно хотел сказать Цзян Цзинчэнь, раз обдумывал ответ так долго, но в итоге в диалоге появились лишь два простых слова: «Жди меня».

Бянь Нань лежал на постели Цзян Цзинчэня, бездумно переключая приложения в телефоне, не в силах сосредоточиться ни на чем.

Стоило закрыть глаза, как в памяти вновь и вновь всплывали слова Анны, сказанные почти с вызовом: «Кем он тебе приходится, этот Цзян Цзинчэнь? Есть ли у вас вообще хоть какая-то кровная связь?!»

Дыхание Бянь Нань сбилось.

На подушке лежал аккуратно сложенный темно-синий костюм для сна; гладкая шелковистая ткань сохранила едва уловимый, но до боли знакомый запах — легкий намек на сосновый бор вперемешку со свежестью лосьона после бритья.

Бянь Нань прижал пижаму к груди, уткнувшись носом в мягкую материю и глубоко зарывшись в нее лицом.

Стоило сомкнуть веки, как перед глазами проступила совсем другая картина: огромный мир, окутанный крошечной тьмой, и хлопья густого снега.

Такой сплошной, застилающий все вокруг снегопад Бянь Нань за всю жизнь видел лишь однажды — в тот год, когда его забрали из детского дома.

Директор вел его за руку и передал молодой бездетной паре по фамилии Цзян. Бянь Нань уселся в роскошный автомобиль, его отвезли в поместье семьи Цзян, где он жадно, вздохнув, уплетал первое в своей жизни настоящее блюдо из трех перемен с супом и мясом.

Семейный врач взял у него кровь на медицинский осмотр. Бянь Нань молча закатал рукав, обнажив исхудалую до костей руку, и послушно ждал.

Он был благодарен им за то, что они вытащили его из детдома и подарили новый дом — до тех пор, пока случайно не подслушал разговор мужчины с врачом.

У отца этого мужчины отказали почки — случай был признан редчайшей медицинской патологией, и Бянь Нань оказался единственным подходящим донором, которого семья сблизилась с ног разыскивая.

Однако врач говорил, что они плохо подготовились и не провели предварительную проверку: ребенок в таком возрасте не сможет перенести операцию по пересадке почки, даже если показатели совместимости идеальны.

Бянь Нань думал, что ему удалось избежать гибели, но он даже не подозревал, что самое жестокое испытание еще впереди.

Опасаясь разоблачения из-за того, что они не оформили официальное усыновление, его заперли на чердаке во внутреннем дворе поместья Цзян, а еду приносили в строго определенные часы.

В углу оконного стекла зияла трещина, сквозь которую внутрь прорывался свирепый ледяной ветер вперемешку с колючей снежной крупой. Бянь Нань забился в угол, дрожа от холода.

В тот день служанка снова принесла ему паровые булочки и зелень, как вдруг из главного дома донеслись звуки похоронной музыки и плач. На следующий день Бянь Нань увидел примерно

ровесника себе — тот был одет в траурные одежды, а на голове у него повязана белая тканевая лента.

Мальчик сказал, что его зовут Цзян Юань, а такой наряд на нем потому, что вчера скончался его дедушка.

Через железную прутья решетки Цзян Юань разглядывал истощенное, до синевы бледное лицо Бянь Нань, чей голос звучал еще по-детски робко, и сомнением в глазах спросил, не болен ли тот.

Бянь Нань кое-как подполз к двери, прижимаясь животом к полу и едва перебирая руками. Цзян Юань коснулся его пылающего тела и тут же приказал кому-то открыть засов, но служанка лишь испуганно замаялась, сообщив, что ключей при ней нет.

Цзян Юань бросился вниз с чердака, а служанка последовала за ним, но на бегу зацепилась головой за острые пики на железной двери — с нее слетела белая повязка.

Собрав последние силы, Бянь Нань дотянулся до полоски ткани, привязал ее к оконной раме, крепко ухватился руками и выпрыгнул с чердака наружу.

Прямо перед ним мелькавшую спину Цзян Юаня настиг шедший навстречу мужчина, которому мальчик отчаянно закричал:

— Младший дядя! Младший дядя, спаси его!

— Старший дядя привел его сюда, но он, кажется, умирает!!

В новостных репортажах отмечали, что в тот год в Аньчэне стояла невиданная за целое столетие стужа, и хлопья снега занесли всё вокруг, оставив лишь ослепительно-белую, бескрайнюю пустыню.

Цзян Цзинчэнь вернулся на родину на похороны отца, но по воле случая спас мальчика, который в одной легкой одежде, едва дыша, рухнул прямо в его объятия.

Завывал ветер, пронизывающий холодом каждый дюйм костного мозга. Бянь Нань уже думал, что умирает, но когда перед глазами все потемнело и он босиком подался вперед, чьи-то крепкие, надежные и согревающие тело руки — словно сошедшее с небес божество — подхватили и надежно удержали его.

Липкий пот струился по вискам, и когда Бянь Нань снова открыл глаза, перед ним все расплывалось, а на его плечах уже лежало легкое одеяло.

Сухая теплая ладонь коснулась его лба, и мгновением позже у самого уха раздался мягкий голос:

— Приснился кошмар?

— Почему ты не разбудил меня? — всхлипывая, позвал его Бянь Нань. — Почему ты не разбудил меня раньше?

<http://bllate.org/book/25639/3058549>